

АДРИЕННА
БАССО

Невеста
шотландского
воина

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б27

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Adrienne Basso
BRIDE OF A SCOTTISH WARRIOR

Перевод с английского *А. Е. Мосейченко*
Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
Zebra Books an imprint of Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бассо, Адриенна.

Б27 Невеста шотландского воина : роман / Адриенна Бассо ; [пер. с англ. А. Е. Мосейченко]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088444-5

Молодая вдова шотландского лэрда Фергусона Грейс вынуждена искать прибежища в замке своего брата Брайана Маккенны. Однако как жить дальше одинокой женщине, лишенной мужской поддержки и защиты в суровые времена короля Роберта Брюса? Грейс уже готова принять монашеский обет, но внезапно в гости к Брайану приезжает боевой друг Эван Гилрой. Этому мужественному рыцарю нужна жена — и Брайан рад породниться со старым товарищем.

Но сможет ли Грейс полюбить сурового воина, который, кажется, не питает к ней любви и рассматривает будущую свадьбу как выгодную сделку? И сможет ли сам Эван раскрыть свое огрубевшее сердце для нежных чувств?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Adrienne Basso, 2014
© Перевод. А. Е. Мосейченко, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015
ISBN 978-5-17-088444-5

Глава 1

Ноябрь 1314 года

Шотландия, замок Данед

— Он умирает, — тихо и почтительно прошептала Эдна.

— Вижу, — так же тихо отозвалась леди Грейс Фергусон, отворачиваясь от сочувствующих глаз служанки и устремляя взор на умирающего мужа. Сэр Аластер, вождь клана Фергусон, безмолвно и неподвижно лежал под меховым одеялом. На пепельно-сером лице застыла страшная предсмертная гримаса, даже на пороге смерти боль и страдания не оставляли его израненное тело.

Грейс взгляделась в эту страшную маску, волевой подбородок, заросший темной густой щетиной, нос с горбинкой. Его лицо было страшным, почти чужим, и не удивительно. Вот уже семь лет она была его женой, но сэр Аластер дома бывал редко, почти наездами, он все время воевал на стороне доблестного Роберта Брюса, который сражался за независимость Шотландии и за шотландскую корону.

Грейс ласково коснулась его лба, горячего и сухого. Внезапно Аластер открыл глаза.

— Жарко, — прохрипел он и попытался сбросить с себя меховое одеяло, но настолько ослабел, что не смог даже приподнять руки.

У Грейс оборвалось сердце: было нетрудно догадаться, что это предвещало.

— Ш-ш, — промолвила она, — позволь я тебе помогу.

Грейс до пола спустила меховое одеяло. Смочив в воде чистую тряпочку, она аккуратно вытерла плававшие лоб и лицо мужа.

— Он простудится, если ты будешь столь часто обтирать его холодной водой, — предостерегала ее Эдна.

Грейс не смогла сдержать улыбку. Эдна, как и она, знала, что Аластер умирает, и при этом несла всяческий вздор насчет простуды. Увы, страх и неуверенность почти свели их с ума.

— Я буду обтирать его до тех пор, пока это будет приносить ему хоть какое-нибудь облегчение, — решительно ответила Грейс. Распахнув рубашку, она принялась обтирать мужу грудь. — Одному Богу известно, сколько мук он вынес за последние несколько недель.

По странной, злой иронии Аластер, не получивший за семь лет войны ни одной тяжелой раны, умирал в результате несчастного случая, происшедшего с ним четыре недели назад на охоте. Его сбросила лошадь, и на него — беспомощного — набросился дикий вепрь. Зверь растерзал ему ногу, переломал ее в нескольких местах, и сломанная кость торчала наружу.

Немедленно послали в монастырь Террифф за братом Джоном, который прославился своим врачебным искусством. Он очень ловко зашил рану, наложил лубки на переломы, но рана воспалилась, и началась лихорадка.

— Миледи, вы уже и так потрудились на славу. Лучше опустите рубашку, пока кто-нибудь не вошел и не увидел, что вы делаете, — умоляюще произнесла Эдна.

Не обращая внимания на служанку, Грейс продолжала обтирать пышущее жаром тело мужа, не решаясь признаться самой себе, что, ухаживая за ним, она испытывает не меньшее, а может, даже большее облегчение, чем сам Аластер. Если бы она не пряталась за эту, в сущности, пустяковую заботу, скорее всего точно тронулась бы

рассудком, потому что сидеть целыми днями возле постели умирающего мужа без дела было бы невыносимо.

Машинально обтирая мужа, она так же машинально принялась утешать его. Грейс говорила о том, что скоро ему станет легче, что он пойдет на поправку и обязательно выздоровеет. Она снова и снова обмакивала тряпку в холодную чистую воду, отжимала и принималась обтирать горячее тело Аластера — лицо, плечи, грудь, руки, одновременно подбадривая и утешая его, пытаюсь внушить ему надежду в невозможное.

— Грейс?

— Да, слушаю тебя, Аластер.

Он смотрел на нее ничего не видящими глазами, затем с усилием хрипящим шепотом произнес:

— Пить.

Грейс вопросительно посмотрела на Эдну, та нахмурилась. Обе женщины прекрасно помнили указание брата Джона, строго-настрого запретившего давать жидкость больному до заката солнца. Налив эля в небольшой кубок, служанка передала его Грейс, а та, приподняв мужа за плечи, поднесла питье к его растрескавшимся губам. Аластер пил медленно, но с жадностью. Выпив до дна, он откинулся на спину, закрыл глаза и поморщился от боли.

— Подвинь ближе мое кресло, Эдна. Только тихо.

Служанка недовольно буркнула себе под нос:

— С того дня, когда его принесли на носилках, вы проводите почти все свое время рядом с его постелью. Вы даже спите здесь, прямо в кресле. Куда же это годится? Почему бы вам не пройти к себе в спальню и не поспать там несколько часов? Обещаю, как только сэр Аластер очнется или ему хоть чуть-чуть станет лучше, я сразу, не медля ни секунды, дам вам знать.

— Милая Эдна, я все равно не усну.

— Гм-гм, ну, тогда хоть выйдите во двор, на свежий воздух, а то на вас смотреть больно. Сейчас последние

солнечные деньки, скоро начнутся дожди, и тогда будет совсем тоскливо.

Грейс на миг заколебалась: в самом деле, почему бы не прогуляться, не выйти на воздух хотя бы на несколько минут? Она взглянула на красное от жара лицо Аластера, рукой погладила его горячую щеку и отрицательно покачала головой.

Каким бы заманчивым ни было предложение Эдны, чувство долга властно призывало ее остаться на своем посту и не покидать мужа ни на минуту.

— Нет, Эдна, я лучше побуду здесь.

Служанка шумно вздохнула, но больше ничего не сказала и пододвинула кресло ближе к постели вождя клана. Едва Грейс села, как скрипнула дверь и вошел брат Джон.

— Добрый день, леди Грейс.

Заметив пустой кубок, мокрую тряпку и миску с водой, он тут же нахмурился:

— Как я погляжу, вы упорно не хотите следовать моим советам. — Монаха явно обижало откровенное пренебрежение к его врачебному искусству. — Сколько еще раз мне вам повторять: вы должны выполнять мои указания, если хотите, чтобы сэр Аластер выздоровел!

— Я только пытаюсь по мере своих сил приносить ему облегчение, — возразила Грейс, стискивая руки в кулаки.

Недовольно ворча что-то себе под нос, монах подошел к постели больного. Грейс поспешно встала, уступая место, чтобы лекарю было удобнее осматривать Аластера. Как только брат Джон осторожно снял повязку, тошнотворный запах гниющего мяса распространился по всей комнате. Грейс стало дурно, казалось, еще немного, и ее стошнит. Она зажала нос пальцами, стараясь дышать как можно реже, и взглянула на искаленную ногу Аластера. Вся она была страшного серого цвета, а там, где были раны, виднелось темно-красное мясо. Грейс не-

вольно отшатнулась, ударилась о кресло и чуть было не опрокинула его.

— Ничего страшного, леди Грейс. Да, запах не из приятных, но понемногу привыкнете, — произнес монах с легким оттенком высокомерного презрения. — О, я вижу некоторое улучшение.

Брат Джон улыбнулся, оскалив длинные желтые зубы, всем своим видом говорившие об обратном. Судя по ухмылке, он считал Грейс наивной дурочкой, которую ничего не стоит обмануть.

Уловив все в тот же миг и подавив вспыхнувшее негодование, Грейс ответила как можно серьезнее:

— У него усиливается жар, он очень страдает.

— На все воля Божья, — отозвался брат Джон. Наложив, нет, скорее шлепнув на рану припарку с вонючей мазью, он принялся накладывать новую повязку.

Действовал он настолько грубо, что тихо стонавший Аластер вскрикнул от боли. В один миг Грейс подскочила к постели и оттолкнула не слишком обходительного лекаря.

— Ради бога, не причиняйте ему лишней боли. Неужели у вас нет ни капли сострадания?

Забрав у монаха повязки, она решительно воскликнула:

— Позвольте мне самой перевязать его!

— Леди Грейс, — брат Джон больше не скрывал своего раздражения, — не мешайте!

Однако Грейс была настроена более чем решительно:

— Я сама перевяжу его.

От подобной дерзости лицо монаха побагровело. Он закрипел зубами, но Грейс была не из пугливых. Чаша ее терпения переполнилась: сколько уже можно смотреть, как издеваются — по-другому это никак нельзя было назвать — над ее мужем? Пусть она не была сведущей во врачевании ран, но перевязать больного так, чтобы не усугублять боли, она умела.

Брат Джон замер в полной растерянности, затем фыркнул от негодования, но, не зная, что сказать, вскинул руки, повернулся и вышел, громко стуча башмаками.

— Он скоро вернется, — обронила Эдна.

— Кто бы сомневался. И наверняка с подкреплением, так что нам надо торопиться.

Грейс с помощью Эдны ловко и бережно перевязала сломанную ногу Аластера, почти не причинив ему боли. Он лежал тихо с закрытыми глазами, лишь иногда вздрагивая. Когда перевязка была закончена, Грейс внимательно посмотрела в лицо мужа.

— Как ты себя чувствуешь? Где у тебя болит больше всего?

По лицу Аластера скользнула тихая улыбка.

— Везде, миледи. Мне больно до конца ногтя на мизинце ноги, так больно, что больше нет сил терпеть.

— Скоро тебе станет лучше, — попыталась утешить его Грейс, надеясь, что он не заметит ни по ее глазам, ни по голосу, что она лжет.

— У тебя доброе сердце, дорогая. Жаль, что я понял это так поздно. Ах, если бы у меня было время исправить мою ошибку... — Его голос дрогнул и оборвался.

От этого признания у Грейс сжалось сердце, ей стало так горько и больно, что она едва не заплакала. Ей было жаль его, себя, свою собственную погубленную жизнь, в которой у нее, в сущности, не было, а теперь точно не будет ни любящего мужа, ни семьи, ни детей, ничего того, из чего состоит женское счастье. Да, их брак был заключен не на небесах, а исходя из клановых интересов, тем не менее и она, и Аластер если и не любили друг друга, то по крайней мере испытывали друг к другу симпатию. Если бы не война, разлучившая их на многие годы, они, возможно, обрели бы свое счастье или его подобие.

— Ничего, Аластер, у нас с тобой будет еще время, много времени... — попыталась подбодрить мужа Грейс.

На лице Аластера сквозь маску боли проступило смутное выражение печали, сожаления и даже, как показалось Грейс, вины. У нее опять перехватило в горле.

— Ничего у нас больше не будет, — с нескрываемой горечью признался он. — Я умираю, все бесполезно, ваши старания вылечить меня лишь продлевают мои мучения. Похоже, у брата Джона получилось только одно — помучить меня как следует перед смертью.

— Но все хвалят его искусство врачевать раны, превозносят его до небес, — отозвалась Грейс, хотя она прекрасно сознавала горькую правду, скрытую в словах Аластера.

Он протянул руку и неожиданно сильно сжал ее пальцы.

— Послушай, прошлой ночью я невольно подслушал, о чем брат Джон говорил со своим помощником.

— И о чем же они говорили?

— Монах шутил, но говорил это вполне серьезно. Он сказал, что в крайнем случае отрежет мне ногу.

— Нет, нет, ты, наверное, ослышался! — Грейс быстро замотала головой. — Все-таки это, должно быть, была шутка, правда, очень жестокая. Как же ты без ноги сможешь вести своих воинов в бой?

— Вот именно! — С тяжелым вздохом Аластер закрыл глаза. — Грейс, нельзя допустить, чтобы это случилось. Ты должна помочь мне уйти в иной мир таким, каким меня сотворил Бог, со всеми моими ногами и руками.

Но как же это сделать? Растерявшись, Грейс схватила руку мужа, сжала ее между ладонями и прижала к своей груди.

— Ты сам должен сказать об этом во всеулышание, и прежде всего брату Джону. Твердо и решительно, чтобы он не посмел ослушаться.

— Любимая, сейчас у меня нет никаких сил, а раньше, когда сил было хоть отбавляй, я был слеп и не видел, кому я действительно дорог... — Аластер запнулся, от бо-

ли и отчаяния у него перехватило в горле. — Я теперь ни на что не гожусь, придется тебе говорить от моего имени.

Грейс улыбнулась сквозь душившие ее слезы.

— Думаю, ничего у меня не получится. Кто же станет слушать женщину? Даже если я буду кричать, все равно меня никто не услышит. Может, лучше попросить об этом кого-нибудь из твоих братьев?

— Думаю, сейчас им не до меня. — Аластер криво улыбнулся. — Кроме того, мне бы не хотелось перед смертью просить их о чем бы то ни было. Это было бы не по-мужски.

Грейс стало больно и грустно. Гордость, вечная мужская гордость — и, как всегда, некстати. Делать было нечего.

— Хорошо, я сделаю все, что в моих силах, — прошептала она.

— Помолись за меня, — прохрипел слабеющим голосом Аластер.

— Я каждый час молюсь о тебе, о том, чтобы ты выздоровел.

— Нет, — его лицо стало мрачно-печальным, — помолись о моей скорейшей кончине. Я только об этом и молю Бога. Смерти я не боюсь. Я хочу умереть, слышишь?

В этот миг Грейс услышала приближавшийся топот ног. Судя по всему, это возвращался брат Джон — явно не один, и точно, через несколько мгновений в комнату вместе с ним вошли братья Аластера — Дуглас и Родерик. Все трое застыли на полпути между дверьми и постелью умирающего, три лица выражали три различных чувства: лицо Дугласа — озабоченность, лицо Родерика — настороженность, лицо брата Джона — самодовольство. Грейс прекрасно знала: несмотря на братские чувства, никто из братьев не очень обрадовался бы выздоровлению Аластера, но надежды на такой исход, увы, почти не было.

Сходясь в одном, Дуглас и Родерик расходились, причем очень сильно расходились в своем отношении к сроку кончины старшего брата: ни сострадание к мукам умирающего, ни любовь тут были ни при чем. Скорая развязка вполне устраивала одного, другого — как можно более затянувшаяся.

У Аластера не было наследника, поэтому Дуглас и Родерик за спиной умирающего вождя клана начали борьбу за власть. По слухам, сейчас большинство клана поддерживало Дугласа. Но деятельный и решительный Родерик, не скупившийся в последнее время на посулы и обещания, переманивал на свою сторону все больше и больше воинов клана, вместе с которыми росли и его шансы на успех.

На данный момент расклад был таков: умри Аластер сейчас — победа за Дугласом, чем дольше будет тянуться агония Аластера, тем больше шансов у Родерика победить в схватке за власть. Не было ничего удивительного в том, что именно Родерик настоял на приглашении брата Джона. Родерик не жалел ни усилий, ни денег на лечение Аластера, что выглядело очень благопристойно лишь в глазах тех, кто ничего не знал о его тайных замыслах.

— Брат Джон говорит, что Аластеру стало намного лучше! — воскликнул Родерик. — Неужели ты этому не рада, Грейс?

— Будь это правдой, не нашлось бы человека счастливее меня.

Брат Джон презрительно фыркнул:

— Так смело судить о том, в чем ничего не смыслит, может лишь... — Тут он осекся, махнул рукой и достал из-под полы ряссы небольшую бутылочку. Несмотря на свой самодовольный вид, брат Джон явно нервничал. Дрожащими руками, отчего горлышко бутылки стучало о металлический край кубка, он налил в него лекарство.

Все вокруг молча наблюдали за монахом. Слегка приподняв голову Аластера, он поднес к его губам кубок.

Будучи в полусознательном состоянии, раненый не мог пить, и едва ли не половина лекарства пролилась мимо губ на подбородок. Грейс подошла и ловко вытерла Аластера рот.

— Поможет ли это ему? Ведь он не выпил и половины? — удивился Родерик, усомнившись в действии лекарства.

— Поможет, еще как поможет! — Брат Джон поспешил развеять сомнения, витавшие в воздухе. — На самом деле ему не надо так много этого напитка. Он опасен. Но зная, что больной выпьет не все, я нарочно дал ему больше.

Плотно закрыв пробкой бутылку, монах спрятал ее под рясой.

— Остается только ждать. Посмотрим, как он будет себя чувствовать через два-три дня. Если нагноение распространится дальше, придется, видимо, отнять ногу. Ведь мы уже пришли к такому решению.

Грейс вздрогнула и резко обернулась.

— Нет! Вы не отнимете у него ногу. Я не позволю.

Трое мужчин уставились на нее. Их лица выражали одну лишь эмоцию — откровенное недоумение, правда, в разной степени. Первым опомнился брат Джон.

— У вас слишком мягкое сердце, леди Грейс, — не без язвительности возразил он. — Конечно, оно делает вам честь, но здесь и сейчас оно совершенно неуместно.

— Вы не отрежете ему ногу! — упрямо повторила она.

— Здесь я и только я отвечаю за здоровье больного сэра Аластера! — глазки монахи злобно блеснули. — Поэтому я один решаю, что делать и как лечить раненого.

Однако Грейс была не из робкого десятка, ее не так просто было запугать. Понимая, как не любят мужчины, когда женщина бросает им вызов, покушаясь на часть их власти, она решила прибегнуть к хитрости — найти среди них союзника.

— Почему бы нам не положиться на Бога? Пусть он, всемогущий и милосердный, решит судьбу Аластера. — Она вопросительно взглянула на Дугласа.

Не выдержав ее умоляющего взгляда, Дуглас отвел глаза. Ему действительно было жаль брата, но он не знал, как лучше всего поступить в данном положении.

— Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его.

— Отрубив ему ногу, разве мы этим ему поможем? — промолвила она.

Выражение сострадания и жалости отразилось на лице Дугласа.

— Вряд ли, — произнес он.

— А ты, Родерик, согласен?

Ноги у Грейс дрожали, сердце едва не выпрыгивало наружу, а лицо горело от возбуждения. Она, слабая женщина, бросила им вызов, но для того, чтобы убедить их в своей правоте, надо было держаться как можно спокойнее и увереннее. Слишком высоки были ставки в этой борьбе, и отступать она не собиралась.

Свет заходящего солнца смягчил жесткие черты лица Родерика, и на миг Грейс показалось, что он понял, насколько важен ее вопрос. Родерик резко встряхнул головой, и выражение его лица опять стало твердым и упрямым. Любое проявление мягкосердечия ему, как воину, казалось недопустимой слабостью.

— Мы должны выполнять указания брата Джона.

От холодной твердой решимости, звучавшей в его словах, мороз пробежал по коже Грейс. Они все прекрасно понимали, насколько тщетны усилия брата Джона, и тем не менее отказывали брату в скорейшей спокойной кончине. Грейс тихо вздохнула и опустила глаза. Спорить, доказывать свою правоту, явно было бесполезно; для того чтобы выиграть битву с мужской непреклонностью, надо было прибегнуть к иным, более действенным, чем слова, средствам.

На Грейс, погруженную в свои мысли, мужчины перестали обращать внимание. Теперь она вела себя, как и положено женщине, тихо и смиренно, по-видимому готовая послушно выполнять все, что ей скажут мужчины. Однако в действительности она кипела от возмущения.

Она думала о той цене, которую ей придется заплатить, нет, не в этом мире, а в том, где она предстанет перед Божьим судом и будет отвечать за все свои прегрешения.

Но разве можно назвать грехом то, что она собиралась сделать? Выполнить последнее желание мужа, его волю — и только.

Времени в запасе почти не осталось, дня три, не больше. За этот короткий срок, если, конечно, ее муж сам не упокоится вечным сном, надо было найти способ, который помог бы ему перейти из этого мира в иной. Слезы навернулись на глаза Грейс, казалось, еще миг — и они брызнут наружу. Она стиснула руки в кулаки что есть силы с одной целью — не заплакать. Моргнув несколько раз, она прогнала слезы.

Успокоившись, она прислушалась к разговору мужчин. Брат Джон как раз взмахнул руками, в чем-то убеждая Дугласа и Родерика, и в его кармане что-то звякнуло. Бутылка с лекарством, и очень опасным — тут же припомнилось, что совсем недавно говорил о нем монах. По-видимому, смертельно опасным?!

Грейс замерла. Неожиданная мысль пришла к ней в голову. Теперь она точно знала, что ей нужно делать.

Солнце светило по-осеннему неярко и почти не пригревало длинную вереницу утомленных путников, ехавших по пустынным холмам. Иногда налетал северный ветер и студил кожу, порой пробирая до самых костей. Сэр Эван Гилрой опять взглянул на грубо начертанную

карту в своих руках, тщетно пытаясь понять, где они находятся и где тот ориентир, от которого было рукой подать до цели их путешествия.

— Нам следовало повернуть вот тут, возле скал, — прямо над его ухом раздался бодрый и уверенный голос.

— Заткнись, Алек! — огрызнулся Эван, всматриваясь в карту и с досадой осознавая, что его самый близкий друг и соратник абсолютно прав. Теперь из-за глупого промаха надо было возвращаться назад, на что должно было уйти не меньше часа. Из-за этой досадной задержки они не успевали добраться к нужному месту до заката солнца.

— Долина вон там, впереди и внизу, она хорошо защищена от ветра, — задумчиво произнес Алек. — Там можно устроить привал на ночь. Что скажешь?

— Наверное, — пробурчал в ответ Эван.

— Позволь-ка взглянуть... — Алек протянул руку, и Эван неохотно отдал ему карту. Было обидно и досадно, что, как командир отряда, он не смог вывести своих людей туда, куда требовалось. Он ошибся, а любой промах начальника непростителен в глазах подчиненных. Впрочем, Алек был не просто подчиненным, они семь лет воевали плечом к плечу на стороне Брюса. За эти годы Алек стал для Эвана другом, товарищем, братом, да-да, настоящим братом, которого у незаконно-рожденного Эвана, к сожалению, никак не могло быть. Так вот Алек, к величайшей досаде самого Эвана, отлично разбирался в картах — это очень важное умение для солдата, которым многие, в том числе Эван, не обладали.

— Посмотри, если повернуть через милю вот здесь, то мы подъедем к пожалованному тебе королем замку немного с другой стороны. О-о, да этот путь даже королю! — радостно воскликнул Алек.